

КОНЦЕПЦИЯ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ирина Григорьева, Елена Богданова

Ирина Григорьева, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург); Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес для переписки: Социологический институт РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. soc28@yandex.ru.

Елена Богданова, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург); Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bogdanova.nova@gmail.com.

Эссе является реакцией на кризис, проявляющийся в теории и политике решения проблемы старения общества в европейских странах и в России. Около двадцати лет определяющими международными ориентирами считались концепция активного старения и нелиберальная политика старения, сформулированные в Мадридском плане действий. В последние годы Россия интегрировала нормы и принципы Мадридского плана в свою национальную политику старения. Пандемия коронавирусной инфекции поставила под вопрос состоятельность основ концепции, представляющей процессы старения с позиций социального конструктивизма и сглаживающей границы между возрастными группами. Важнейшая связка всего нелиберального проекта старения «активность – социальная включенность», которая призвана интегрировать пожилых в рынок труда и потребления и тем самым решать проблемы социального исключения пожилых и негативного образа их как обузы общества, в текущей ситуации оказывается нереализуема. Пандемия коронавирусной инфекции актуализировала возрастные границы и заставила вспомнить о физиологических особенностях стареющего организма. Борьба за инклюзию пожилых (временно) сменилась борьбой за их эксклюзию. В эссе разбираются теоретические подходы, лежащие в основе концепции активного старения в том варианте, в котором они были сформированы в западном контексте, и в версии, воспринятой в России. Кульминацией эссе является вопрос о том, сформирует ли коронакризис запрос на новую концепцию старения.

Ключевые слова: активное старение; пандемия COVID-19; активное долголетие; кризис концепции

Последние 30–40 лет мы замечаем нарастание интереса к проблематике старения населения и особенно к теме пожилых как социально-возрастной группы. Инициатором дискуссии о том, какое место в обществе должны занимать люди старшего возраста и какую роль они должны играть в современной социальной реальности,

выступают западные общества с достаточно высоким уровнем благосостояния. За последние несколько десятилетий представления о социальном статусе и месте пожилых в обществе менялись весьма существенно.

Сегодня на переднем плане проблемы мы видим нормативные документы, задающие общую тональность понимания самого явления старения, позиционирующие группу пожилых относительно общества и государства и закрепляющие более или менее устойчивый статус-кво по этой проблеме. Концепция *активного старения* (active aging) была сформулирована в Мадридском плане действий по старению в 2002 году¹. Основные ее тезисы по существу оспаривают первый международный документ о правах пожилых – Венский план 1982 года², в котором утверждалось право каждого пожилого человека на пенсию и отдых после работы на протяжении определенного количества лет.

Мадридский план резко повернул от старости, свободной от трудовых обязательств, к ценностям активного старения и и участия на рынке труда, а не исключительно в домашнем хозяйстве. Тем самым этот план озаменовал ряд важных концептуальных изменений в понимании старения. Во-первых, это отказ от биологизированного и медиализированного понимания старения как времени обязательного угасания и утрачиваемой с возрастом способности работать. Во-вторых, желание предотвратить социальное исключение пожилых после выхода на пенсию: разрывы социальных связей после увольнения практически неизбежны. И, в-третьих, именно в продолжении квалифицированной занятости видится практическое доказательство того, что пожилые – не бремя, а ресурс современного общества.

Концепция активного старения возникла на пересечении академических дебатов о старении, формировании нелиберальной экономики и социальной политики в отношении пожилых. В рамках каждого из этих направлений были приняты усилия для того, чтобы понимание старения и восприятие людей старшего возраста в обществе изменились.

Пандемия коронавирусной инфекции озаменовала давно намечавшийся кризис концепции активного старения и социально-философских оснований, обеспечивавших ее относительную устойчивость. Люди старше 65 лет сегодня определяются во всем мире как группа особого риска, нуждающаяся в изоляции и защите. Многолетняя упорная борьба за инклюзию временно сменилась борьбой за эксклюзию. Представляется, что это одна из самых болезненных точек коро-

¹ “Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging,” Second World Assembly on Aging, April 8–12, 2002, Madrid, Spain. https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/Madrid_plan.pdf; “Regional Implementation Strategy for the Madrid International Plan of Action on Ageing,” UNECE Ministerial Conference on Ageing, September 11–13, 2002, Berlin, Germany. <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/RIS.pdf>; *Active Ageing: A Policy Framework*, Geneva: World Health Organization, 2002. https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf;jsessionid=AB8ED2D8249A5AC9B028F0B02DD6FAB9?sequence=1.

² “Vienna International Plan of Action on Aging,” World Assembly on Aging, July 16–August 6, 1982, Vienna, Austria. http://www.monitoringris.org/documents/norm_glob/Scanned_Vienna_Int.Plan_Aging.pdf. “Vienna International Plan of Action on Aging,” World Assembly on Aging, July 16–August 6, 1982, Vienna, Austria. http://www.monitoringris.org/documents/norm_glob/Scanned_Vienna_Int.Plan_Aging.pdf.

накризиса, один из самых серьезных вызовов для социальной политики и систем welfare во всем мире. В этом эссе мы размышляем о том, в каком состоянии кризис застал концепции и политику старения в странах Западной Европы и в России и каким может быть дальнейшее развитие этих идей.

ЧТО ПРЕДЛОЖИЛО И ЧТО ОТНЯЛО АКТИВНОЕ СТАРЕНИЕ?

Доминирующая на сегодняшний день концепция активного старения может рассматриваться как попытка убедить общество и самих пожилых людей в том, что старость – это лучшие годы жизни, время подъема в жизненном цикле, а не спада³. Либерализация старения фактически отменяет привычное, складывавшееся более ста лет, понимание его как периода отдыха от принудительной и тяжелой работы (Рогозин 2012; Grigoryeva, Pervova, and Smirnova 2015). Если присмотреться и задуматься, такой разворот означает сдвиги тектонических масштабов в жизни людей старшего возраста и всего общества в целом. В частности, утверждение концепции активного старения поставило под вопрос социально-философский консенсус, определявший нормы и правила позиционирования людей старшего возраста в обществе, а вместе с тем понимание труда, возраста и себя.

Стратегической задачей, на решение которой направлена концепция активного старения, является возврат людей старшего возраста на рынок труда и потребления, а занятость в периоде от 55 до 74 лет является приоритетным контролируемым параметром Active Ageing Index (AAI) (Zaidi 2013, 2016). С одной стороны, это может рассматриваться как закономерный ответ на изменения рынка труда и той роли, которую человек берет на себя в процессе производства. Работа стала легче физически, человек стал более свободен в выборе занятости. Вместе с тем постоянно нарастает темп работы, психологическая и эмоциональная напряженность вовлеченного в работу. Такая работа тоже требует отдыха и расслабления. Однако и отдыхать пожилым тоже рекомендуется активно, используя ресурсы интернета, центров социального обслуживания, различных обучающих возможностей. Решение просто заниматься внуками или домашним хозяйством уже не выглядит правильным выбором способа стареть.

Что это значит? Не об этом ли писал Жан Бодрийяр:

труд больше не является производительным, он стал воспроизводительным, воспроизводящим *предназначенность к труду* как установку целого общества, которое уже и само не знает, хочется ли ему что-то производить... Такой труд – также и в форме досуга⁴ – заполняет всю нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во время и в месте, предписанных вездесущим кодом. Люди всюду

³ Ср. распространенные лозунги «В 50/60/... лет жизнь только начинается», «Старость – лучшая половина жизни» и др.

⁴ Эта мысль кажется очень интересной. Люди, не способные или не привыкшие к чтению, размышлению и уединению, стремятся к коллективному проведению досуга, к новым возможностям не быть одним, «трудолюбиво развлекаться...» вместе. Активный досуг стал формой престижного потребления.

должны быть *приставлены к делу* – в школе, на заводе, на пляже, у телевизора или же при переобучении: режим постоянной всеобщей мобилизации. Но подобный труд не является производительным в исходном смысле слова: это не более чем зеркальное отражение общества, его воображаемое, его фантастический принцип реальности. А может, и влечение к смерти (2000:58, 62; курсив в оригинале).

Получается, что такой непрекращающейся активностью «мудрая душа», приписанная Платоном старости, созерцающая свое присутствие в мире других Я, способная к рефлексии и саморефлексии, отменяется? На созерцание или мудрую рефлексию активное старение просто не оставляет времени. Изменяется и само понимание мудрости. В середине 1980-х Эрик Эриксон, известный своими работами в сфере возрастной психологии, предлагает три составляющие мудрости: целостное осмысление жизненного опыта, уверенность в ценности собственной жизни и принятие смерти как кульминации жизни при отождествлении себя с человечеством в целом⁵ (Erikson, Erikson, and Kivnick 1986:54). Такое понимание характеризует мудрость как атрибут старшего возраста и личностной зрелости. Между тем уже с начала 1990-х развиваются альтернативные способы понимания и изучения мудрости. Они связывают развитие мудрости не только со зрелостью (Dittman-Kohli and Baltes 1990:74), но также с толерантным отношением к ценностным различиям и множественности перспектив, открывающихся в свете «явной обеспокоенности проблемами добродетели и общего блага» (Baltes and Staudinger 2000:125–126). Практическая мудрость опирается на богатый человеческий опыт и «способность правильно оценивать важные, но неопределенные вопросы жизни» (Dittman-Kohli and Baltes 1990:69). Так, мудрость оказывается необязательно стара (Edmondson 2005), как и бодрость перестает быть исключительным атрибутом молодости.

Размывание специфики периода старости формирует новые экзистенциальные вопросы. Что составляет теперь смысл жизни? Накопление денег или впечатлений? Каковы цели бесконечной активности? Как ей противостоять, если ценность любой активности перевозносится? Зачем нужно быть активным? Где время и пространство, необходимые для того, чтобы осмыслять активность, ценность плодов, которые она приносит, перед лицом неизбежного конца? Даже если удастся быть активным, возможно ли разотождествиться со своим стареющим телом/лицом и перестать думать, что это главное несчастье старости? Особенно это болезненно переживается женщинами, которые, кажется, готовы менять годы жизни на сохранение привлекательности. Так, по крайней мере, можно прочесть Анну Ахматову:

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?⁶

⁵ Здесь и далее перевод цитат из англоязычных источников Елены Богдановой.

⁶ Анна Ахматова, Лирика. Поэмы, с. 94. СПб.; М.: Речь, 2019.

У женщин вообще особые отношения со старением. С возрастом они неуклонно теряют свои сущностные качества, занимают самые низкие статусные ступеньки в глазах общества (Григорьева 2018:5–18). Они также склонны думать, что у них уже ничего нет впереди, кроме воспоминаний. Выразительно о том, что старуха в гораздо меньше степени является женщиной, чем старик – мужчиной, пишет философ Александр Секацкий: «Утратившее кондиции женское тело как бы не существует в глазах других. Исчерпание женского в женщине [...] приводит к предельной степени развоплощения. Диктуемая со всех сторон инструкция стать и быть старухой требует витальных усилий для сопротивления» (2014:207). В отличие от «прежних времен», когда пожилой, например, считалась женщина с момента рождения первого внука или начала климакса, сегодняшние репрессии оказываются привязаны к трудовой деятельности, достаточно однозначно определяемой пенсионным возрастом, принятым в каждой стране. «Однако женскому движению, – признает Секацкий, – удалось сегодня добиться смягчения более глубоких ограничений, чем политические или экономические. Сохранность женских телесных стратегий уже более не воспринимается как скандал – пропасть между *женщиной* и *старухой* заметно уменьшилась» (207; курсив в оригинале).

В современном мире быстрых перемен и гипостазирования ценности молодости старение теряет всякую привлекательность, и его социальный смысл «обничтовывается». Те преимущества старения, которые утверждал «домадридский» дискурс, утрачиваются, размываются. Теряется социальный смысл старости как особого этапа в жизни. Экзистенциальные проблемы, свойственные старшему возрасту, меж тем не решаются, поскольку человек был смертен и остается смертен. На первый взгляд, концепция активного старения формулирует вполне привлекательные допущения: с увеличением возраста люди не утрачивают возможность работать и потреблять наравне с молодыми, избегать нарастающего с возрастом неравенства. Однако в этой концепции остается неожиданно мало пространства для выбора. Как бы освобождая людей от старости, концепция в то же время утверждает неоспоримый приоритет молодости и категорически отказывается видеть и преимущества, и специфические проблемы старшего возраста. Это сильно сокращает возможности выбора всех, кто утрачивает ресурсы либо просто не желает создавать конкуренцию молодым. Признаки навязывания активности, внутренние противоречия и редуцированная свобода выбора – все вместе эти компоненты активного старения определяют неустойчивость концепции и достаточно высокую уязвимость ее перед критикой и любыми объективными испытаниями.

ОБЩЕСТВО МОДЕРНА КАК ПЕРИОД ВОЗРАСТНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Разделение жизни на детство, взрослость и старость существовало не всегда и складывалось веками. Историю возникновения детства в XVII–XVIII веках описал в своих книгах английский исследователь Майкл Вайнесс (Wyness 2011, 2015). Взрослость постепенно сложилась в индустриальном обществе с развитием деления на рабочее и свободное время (не одно и то же с принятым в Средние века

делением на рабочее и праздничное), перемещением работы из дома и мастерской в цех и на завод (разделения мест проживания и работы, времени работы и времени дома, семьи, жизни, свободы, поскольку работа по найму всегда считалась принудительной). Постепенно произошел также сдвиг от аморфного, частного и недисциплинированного старения к жестким, управляемым извне институциональным рамкам пенсионирования, трудового стажа и возраста (Grigoryeva et al. 2019).

Начальные попытки специально выделить группу пожилых связаны с развитием государственных систем пенсионного страхования, первой из которых была система Отто фон Бисмарка. В 1885 году пенсионное страхование по старости в Германии стало действовать и зафиксировало возраст 65 лет как возраст выхода на пенсию по старости (в связи с утратой трудоспособности) с некоторыми вариантами снижения пенсионного возраста в католических странах. У Бисмарка пенсионное страхование было просчитано так, чтобы, уйдя на пенсию в 65 лет при страховом стаже 35 лет, человек в среднем мог прожить 13 лет, получая в виде пенсионного возмещения около 40% утраченного заработка. Тогда это нововведение разорвало устойчивую связь между старостью и бедностью и стало историческим событием. Взносы в счет будущих пенсий строго учитывались, и люди понимали, что пенсия является отложенной частью их заработной платы, финансируется работодателями и работополучателями по правилам, установленным государством. Таким образом, в виде основной, то есть страховой, пенсии работники получали назад отложенную часть заработной платы, а не «подарок государства» (Esping-Andersen 1990).

Постепенно именно пенсионный возраст гипостазировался и стал символом окончания «трудового» этапа жизни и перехода к «времени отдыха», как вежливо был переименован расчетный страховой «период дожития». Поскольку работа была во многом принудительной, то счастье и благополучие понимались как свобода от принуждения к труду. Особенно в советской пенсионной системе, где не было индивидуализированного учета пенсионных взносов, мифология постепенно заменила представление о рациональном строении пенсионной системы. Универсализация отраслевых пенсионных режимов произошла через закон СССР⁷ только в 1956 году, хотя готовился он еще с конца 1920-х годов.

Низкие нормы необходимого для получения пенсии стажа и пенсионного возраста в СССР (55/60 лет – пенсионный возраст для женщин и мужчин соответственно, 20/25 лет – необходимый стаж), считавшиеся достижениями социализма, закрепили у населения уверенность в том, что чем раньше человек освобождается от работы, тем лучше (Григорьева 2017). Считалось нормальным в установленное время уходить на пенсию, тем более что уровень возмещения был довольно высоким, и пенсионеры, городские во всяком случае, не чувствовали себя обделенными. Был еще ряд дисциплинирующих узаконений, ориентирующих жизненные пути на выполнение требований, обеспечивающих высокую пенсию, например, добавле-

⁷ Закон СССР «О государственных пенсиях», 14 июля 1956 г. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=&n=44832&req=doc#008593642762220366>.

ние 10% к пенсии тех, кто проработал 20 лет на одном рабочем месте. Очевидно, что такие меры никак не способствовали трудовой мобильности, что было одной из причин дезорганизации занятости в 1990-х.

В Западной Европе в «золотой век» социального государства с 1970-х до середины 1980-х возникло множество «досрочных» режимов, а католические страны закрепили границу перехода от взрослости к старости на 60 годах (Ларсен 2008; Scruggs and Allan 2006). Тем самым пенсионный возраст снижался, но был отмечен рост социального старения населения – «численности граждан, имеющих низкую экономическую активность (в возрасте 60 лет и более)» (Кузин 2018:139).

Такие послабления продолжались недолго, и в конце 1990-х возникло сначала беспокойство о финансовой достаточности пенсионных систем (Котликофф и Бернс 2005), а потом уверенность в кризисе старения. В 2002 году в Германии была разработана концепция реформирования социального государства и рынка труда, получившая название по имени возглавившего комиссию Петера Харца. По плану Харца, в Германии постепенно вернули в занятость многих не достигших пенсионного возраста, пусть даже на «плохие рабочие места» (Шершнева 2014). В середине 2000-х в ряде стран Европы было объявлено о повышении пенсионного возраста – в среднем до 67 лет. Одной из последних к этому процессу подключилась Россия.

Весь этот период шло определенное нарастание интереса к исследованиям пожилых и старения. Изучением старения занимались в первую очередь демографы, которые надолго создали представление о «рисках старения», хотя еще в ходе Каирской конференции 1994 года всеобщее внимание было приковано к быстрому росту населения в бедных странах и «пузырю рождаемости»⁸. Именно демографы обернули знание во власть своей алармистской позицией по поводу роста числа пожилых, как будто когда-либо существовали нормативы демографической структуры населения (Фуко 1998; Katz 1992).

Социологи в России в этот период изучали преимущественно молодежь, изменение ее ролей и статусов, семейное положение и тому подобное, хотя интерес к пожилым в западной социологии появился много раньше, чем в российской. Одному из соавторов этого эссе стоило немалых усилий убедить известный в России социологический журнал в важности и актуальности публикации статьи о пожилых (Григорьева 2006).

На стыке 1990-х и 2000-х в Европе проблемы старения и пожилых еще осмысливались в структурно-функциональной парадигме как объекты социально-экономических и биологических, то есть возрастных, изменений и в деятельностной парадигме, где их роль субъектов собственной жизни и своего социального положения, оспаривалась меньше, хотя и с оглядкой на «необратимость старения». Так, социолог Юлия Зеликова в одной из своих работ цитирует Дэйла Даннифера (Dannefer 1999), который видит перспективу старения как один из двух вариантов отношений человека и его близкой среды, то есть также в субъект-объектном под-

⁸ «Программа действий», Международная конференция по народонаселению и развитию, 5–13 сентября 1994 г., Каир, Египет. Юбилейное издание по случаю 20-летия, 2014. http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ICPD_programme_of_action_ru.pdf.

ходе, и отмечает развитие институтов, которые определяют границы возрастных когорт, правила поведения внутри них и способы перехода из одной когорты в другую (Зеликова 2014:118–119). Еще актуальна была точка зрения на старение как освобождение от работы, возможности самореализации, не связанной с трудовой деятельностью, освобождение от привычных ролей и прочих «структурных зависимостей»; на индивидуальном уровне – как на время нарастающего одиночества и разрыва привычных социальных связей (119–136).

Одновременно в теориях социального неравенства происходили концептуальные изменения, когда вместо деления на «богатых и бедных» стало предлагаться понятие «социального исключения». Так, по мнению Петера Абрахамсона, «предыдущая, классовая стратификация, делившая людей на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на “инсайдеров” и “аутсайдеров”» (2001:158). Ален Турен еще резче подчеркнул переход от «вертикального» общества к «горизонтальному», в котором «наиболее важно понимать, не внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии» (Touraine 1991).

Термин «социальное исключение» был введен французским политиком Рене Ленуаром в 1974 году для обозначения ситуации, в которой находятся социально незащищенные группы населения, такие как дети-сироты, инвалиды, умственно или физически отсталые, безработные, бомжи и прочие «человеческие отбросы» (термин Зигмунта Баумана – *wasted people*) (Дмитриева 2012:99). Фактически подходы «социального освобождения» или «десоциализации» в объяснении положения пожилых «нормализовали» их положение как социально исключенных. Даже при наличии достаточной пенсии исключенность пожилых не могла быть депроблематизирована в ситуации когда концепция доступа к социальным благам, берущая начало еще в трудах Адама Смита, была включена в повестку дня.

Главным отличием концепций эксклюзии от концепции бедности является смещение акцента с неравенства в распределении благ и споров о наиболее справедливом распределении на равные гражданские и социальные права (Абрахамсон 2001:161). Они могут ущемляться путем ограничения доступа к институтам социальной интеграции и восходящей мобильности, в первую очередь – к образованию. Очевидно, что процессы включения во многом связаны с распределением социального капитала внутри различных групп и возможностями одних «заимствовать» его у других индивидов из более обеспеченных групп, хотя в жизни мы все-таки чаще наблюдаем взаимодействия и взаимообмены ресурсами индивидов из сходных социальных групп, и пожилые здесь оказываются в проигрыше.

Процессы исключения в современном обществе все больше носят характер смены одного стиля жизни другим: исключаясь из одних отношений или деятельности, индивиды включаются в другие, уже необязательно стигматизирующие или негативно влияющие на предшествующее социальное положение. Для пожилых это нередко означает переход от более независимого образа жизни к менее независимому от посторонней помощи. По мнению ряда авторов, это происходит не только от нужды и реально низких доходов, а еще и по причине удобства или даже удовольствия чувствовать себя «ущемленным», «неприглаженным» заботливой рукой государства. Для удовлетворения нужд и потребностей таких групп возни-

кают новые и новые социальные службы, стремящиеся в сущности закрепить существующие самоопределения, самоощущения нуждающихся в помощи групп населения (Дмитриева 2012:105).

У пожилых, заключенных в свою возрастную группу, все меньше возможностей эту группу покинуть и повлиять на степень собственного социального исключения. На фоне увеличивающейся доли пожилых в обществе прежнее сохранение возрастной структуры общества с четко очерченными границами группы лиц старшего возраста превращается в неразрешимую проблему. Государство прилагает все больше сил для того, чтобы бороться против бедности и социальной исключенности людей старшего возраста, совершенствуя пенсионные системы, вкладываясь в программы социальной помощи, защищая социальные права пожилых и пытаясь компенсировать нарастающие ограничения их физиологических возможностей. Все это приводит к замыканию пожилых внутри их возрастной группы, воспроизводству образа их как иждивенцев и обузы для общества. Кроме всего прочего, обслуживание неработающих пожилых за счет государства слишком дорого стоит. Выделение по признаку возраста особой группы, нуждающейся в поддержке государства, лишь усиливает эйджизм.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СТАРЕНИЯ

Дискуссии о моделях социальной политики и кризисе социального государства, имевшие место в период 1980–1990-х годов, происходили при активном участии советника премьер-министра Тони Блэра социолога Энтони Гидденса и нашли отражение в Манифесте Блэра-Шредера «Третий путь» (Blair and Schröder 1998). В этом документе обсуждалась либерализация социал-демократической модели государства всеобщего благосостояния (welfare) путем сочетания двух элементов: рыночной экономики и всеобщей социальной справедливости. Однако «в жизни победила гораздо более жесткая модель развития, воплотившаяся в политике неолиберализма, несмотря на сопротивление европейских теоретиков и практиков (Iarskaia-Smirnova, Iarskaia, and Grigoryeva 2019).

Неолиберальный проект старения стал ответом на неизбежную проблему старения населения, с которой первыми столкнулись благополучные западные капиталистические страны. Старение как проблема является фактически обратной стороной роста благополучия и продолжительности жизни не только в развитых странах, но и почти повсюду в мире, что и предопределило популярность неолиберальной идеологии старения. Это масштабный проект, одним из нормативных воплощений которого стал Мадридский план. В основу его заложена солидная теоретическая база, которая начала нащупывать новое видение старения уже в 1970-х, когда в теориях старения стал доминировать социальный конструктивизм. В то время были представлены теория возрастной стратификации Матильды Райли, Мэрилин Джонсон и Энн Фонер (Riley, Johnson, and Foner 1972) и концепция жизненного цикла (life course) (Elder 1974), ближе к концу 1980-х – концепция успешного старения (successful aging) Джона Роуи и Роберта Кана (Rowe and Kahn 1987). Согласно теории возрастной стратификации, переживания человека

как пожилого формируются государственной политикой и «возрастными стратами», которые объединяют людей одного возраста и отводят им определенные социальные роли. Согласно Дэйлу Данниферу и Кейси Микловски (Dannefer and Mikłowski 2006:30), концепция жизненного цикла понимает старость как стадию жизни, сформированную историческими, социальными, экономическими и экологическими факторами (Shadryna 2020:46). Концепция успешного старения отводит особую роль индивидуальному выбору и самодисциплине, позволяющим сохранять здоровье и социальную включенность (Estes, Biggs, and Phillipson 2003:69). Неспособность скрыть признаки биологического старения объясняется с моральной точки зрения отсутствием самодисциплины и энтузиазма в отношении нового опыта (Shadryna 2020:215).

Основным результатом теоретизирования будущей жизни в рамках конструктивистского подхода было то, что старение представляет собой не просто биологический процесс, но социально и культурно обусловленный опыт перехода от одной стадии жизни к другой; этот опыт встроен в социальную, коллективную и личную динамику (Shadryna 2020:46). Теоретические концепции, которые легли в основу нелиберального проекта старения, оспорили биологическую детерминанту старения, разорвали однозначную связь между возрастом и немощью. Стоит упомянуть о том, что почти одновременно с социально-конструктивистскими концепциями старения развивалось направление критической геронтологии (Vaars 1991; Phillipson and Walker 1987), которое исходит из представлений о том, что старение определяется комплексом биологических процессов и институциональных условий. Однако для идеологического нелиберального проекта старения социально-конструктивистские концепции оказались более подходящими.

Подспорьем нелиберального проекта старения стали три базовые аспекта конструктивистских концепций. Первый – это возможности решения экономических проблем в условиях нарастающих темпов старения населения. Системы социального обеспечения перестают справляться с увеличивающимся количеством людей, которые в силу возраста могут претендовать на социальное обеспечение и социальное обслуживание (Torres and Karl 2015). Возврат пожилых в сферы производительного труда и потребления снимает часть экономических задач, возникающих перед государством.

Вторым важным аспектом концепций стал новый проект человека, всеми своими возможностями и потребностями органично вписанного в нелиберальную систему. В качестве отправной точки этого проекта часто приводят слова Маргарет Тэтчер, которыми она описывала свою собственную политику в 1981 году, отмечая, что метод используется экономический, но цель состоит в том, чтобы изменить душу (McGuigan 2014:224). Образцом формирования нелиберального человека стал типичный человек капиталистического общества, обладающий следующим набором характеристик: успешный предприниматель, самостоятельный потребитель и усердно трудящийся плательщик налогов (225). Дэниел Стэдман Джонс определяет трансатлантический либерализм следующим образом: «Идеология свободного рынка, основанная на индивидуальной свободе и ограниченном управлении, которые соединяют человеческую свободу с действиями рацио-

нального, движимого собственными интересами актора на рынке» (Stedman Jones 2012:2). Если либеральный капитализм культивировал привычки предпринимательства и труда (Weber [1905] 2002), то неолиберальный капитализм приобрел вес, культивируя дух гедонизма, который, однако, перестал пониматься как дисфункциональный (Boltanski and Chiapello [1999] 2005). Такой гедонизм связан с cool-capitalist культурной формацией, ориентированной на потребление и производство максимально удобных условий для потребления.

В качестве третьего аспекта стоит рассмотреть новый договор с государством, который предполагает специфическую меру ответственности государства за граждан. Он призывает пожилых быть активными, при этом обеспечивая медико-социальную инфраструктуру, поддерживающую пожилых в трудоспособном состоянии. Однако если авторы концепции государства всеобщего благосостояния настаивали на универсальном, общедоступном принципе здравоохранения, то неолиберальная система ориентирована на свободный выбор услуг в соответствии с возможностями и предпочтениями потребителя.

В конечном счете теоретические концепции производят идею о том, что граждане сами несут ответственность за свое благополучие – в том числе и в старшем возрасте. Крис Джиллеард и Пол Хиггс (Gilleard and Higgs 2000) полагают, что растущее благосостояние граждан и их нарастающее разочарование в социальном государстве должны постепенно разомкнуть связь между гражданами и государством и минимизировать усилия государств, направленные на удовлетворение потребностей пожилых.

Концепция активного старения, ориентированная на неолиберальный проект старения, стала продуктом своего времени и своего социально-культурного контекста. С одной стороны, эта концепция неизбежная, решающая сложнейшие проблемы старения, теоретически фундированная, спровоцировавшая серьезные подвижки в ключевых институтах экономики и социальной политики. С другой стороны – излишне поверхностная, подчас не замечающая очевидного.

Теоретические концепции, поддерживающие неолиберальный проект старения, предлагают отказаться от четкого возрастного структурирования. Пожилой неолиберальный человек – это все еще неолиберальный человек, который должен обладать энергией, желаниями и фантазией, чтобы работать и потреблять наравне с представителями более молодых поколений. Концепция *successful aging* предписывает пожилым сохранять здоровье и социальные качества. Концепция *life course* заявляет о гибкости и проницаемости возрастных границ. Научить общество жить без старости – доминанта социального конструктивизма. Вместе с уходом от возрастного структурирования должны были стираться и границы, производящие эйджизм.

Неолиберальный подход диктует требования эффективности и продуктивности, поэтому в этой точке активное старение становится «продуктивным». А продуктивность – это, во-первых, необходимость эффективно работать, соответствовать требованиям жесткого менеджмента. Это очень частый аргумент против продления занятости пожилых, поскольку их производительность ниже, как и уровень владения современными информационными технологиями и устройства-

ми (Малева и др. 2016; Пышменцева 2018; Тимирчинская 2019). Во-вторых – это необходимость отвечать учетным требованиям, быть частью «исчисляемого человека», который подчиняется временным предписаниям. Ряд исследователей отмечает, что современные дисциплинирующие (или цивилизующие) институты в первую очередь направлены на регулирование времени (Богданова 2016; Rosa 2013). Даже если происходят сбои в «нормальном» жизненном цикле, возможна ресоциализация (детей группы риска, бездомных, освобожденных из мест лишения свободы и т. п.), что в сущности говорит о том, что время жизни мыслится обратимым для всех, но для стариков вряд ли таким является на самом деле.

АКТИВНОЕ СТАРЕНИЕ *À LA RUSSE*

В 2016 году в России была принята «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», интегрировавшая концепцию активного старения. В российский контекст концепция была трансплантирована как готовый нормативный документ, в сопровождении более чем скромной академической и публичной дискуссии⁹.

Одним из первых роль государства в решении проблемы старения в ее российском неолиберальном варианте сформулировал известный российский экономист Владимир Мау (2012): «Государство должно обеспечивать и стимулировать, прежде всего, максимальное продление активной жизни человека, то есть здравоохранение, профилактику, здоровый образ жизни. Кроме того, государство должно страховать от инвалидности и очевидной бедности. То есть помогать тем, кто без этой помощи обойтись точно не может». Такое видение переносит акцент с безусловной помощи государства всем, считающимся пожилыми в силу возраста, на адресную целевую помощь особо нуждающимся. Также задача государства видится в том, чтобы обеспечивать инфраструктуру, поддерживающую активный образ жизни лиц старшего возраста. Естественно, из такой перспективы уход на пенсию должен быть продиктован личным выбором, но никак не достижением пенсионного возраста. Общеизвестно, что в России сравнительно низкий уровень пенсий и значительная часть людей продолжает трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста не в силу свободного выбора, а вынужденно (Ткач, Богданова и Бредникова 2012).

Неолиберальные институты менеджмента, ориентированные на учет, контроль и измеряемые результаты, уже разработали множество индикаторов для того, чтобы исчислять успешность неолиберального проекта старения. К четырем блокам Индекса активного старения (AAI) добавляются самые разные индикаторы, от «уровня счастья» до «смерти с достоинством» (*death with dignity*).

На сегодняшний день Россия фигурирует среди 28 европейских стран в сводных таблицах, отражающих индикаторы активного старения (AAI) (Таблица 1).

⁹ Некоторые научные журналы (например, «Успехи геронтологии») публиковали материалы по вопросам активного старения. Однако критического осмысления теоретических оснований концепции и адаптации ее к российской действительности с учетом культурного и поколенческого контекста не произошло.

В 2015 году в России был сделан пробный расчет индикаторов и информация о них была включена в данные Росстата. Показатели России по таким критериям, как «благоприятная среда для активного долголетия» или «здоровая и безопасная жизнь» довольно высоки по сравнению с другими европейскими странами. Однако вопросы к измерениям и правомочность сравнений остаются. Например, можно ли сравнивать Эстонию, где пенсионный возраст мужчин и женщин выровняли еще в 1990-х, а сейчас он уже близится к 65 годам, и Россию, где только началось его повышение?

Таблица 1. Показатели основных четырех доменов Индекса активного старения (AAI) (Источник: Ермолина, Варламова и Синявская 2015)

Страна	Занятость на рынке труда	Участие в жизни общества	Независимая, здоровая и безопасная жизнь	Благоприятная среда для активного долголетия	AAI	Место в рейтинге
Австрия	24,6	21,4	73,2	56,3	34,7	10
Бельгия	19,8	20,4	73,1	59,6	33,3	15
Болгария	24,6	12,9	60,4	51,9	29,5	24
Великобритания	35,5	20,0	74,3	61,8	39,2	3
Венгрия	17,8	16,1	68,6	45,3	27,8	27
Германия	31,2	14,9	74,4	55,8	34,7	9
Греция	24,4	14,2	64,4	46,2	29,2	26
Дания	34,0	20,1	78,9	66,7	40,2	2
Ирландия	31,0	25,2	74,3	59,2	38,9	6
Испания	23,3	18,3	68,9	56,1	32,6	17
Италия	20,9	24,1	69,1	55,9	33,8	14
Кипр	36,1	18,7	66,1	50,6	35,9	7
Латвия	28,3	13,9	57,2	45,7	29,6	23
Литва	27,3	15,3	67,3	46,4	30,9	19
Люксембург	21,1	22,6	74,9	63,0	35,4	8
Мальта	18,7	18,2	69,4	55,4	30,9	20
Нидерланды	31,4	22,4	78,5	61,3	38,9	5
Польша	19,9	12,2	64,9	47,3	27,2	29
Португалия	35,3	14,3	66,4	51,0	34,2	12
Россия	25,1	15,7	59,0	54,9	31,1	18
Румыния	31,4	12,9	60,2	39,9	29,5	25
Словакия	20,1	13,7	66,4	46,0	27,7	28
Словения	21,6	16,7	74,0	49,0	30,6	21
Финляндия	32,0	22,4	78,6	60,5	39,0	4
Франция	20,9	22,4	75,3	57,5	34,2	11
Хорватия	22,3	17,8	64,8	49,8	30,5	22
Чехия	26,4	19,4	70,8	54,4	34,0	13
Швеция	41,6	22,6	78,5	68,6	44,0	1
Эстония	34,3	13,3	69,6	47,4	33,1	16

Интеграция норм Мадридского плана в российские регулятивы сопровождается определенной коррекцией. В русскоязычной литературе употребляется термин *активное долголетие*¹⁰ (*longevity*) вместо термина *активное старение*, который был использован Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в названии и тексте рамочной стратегии (Биккулов и Дмитриева 2015; Sidorenko and Zaidi 2013) и распространился практически во всех странах мира. В России в прямом переводе концепции *active aging* усмотрели негативный смысл «ускоренного старения».

Рамочная стратегия активного долголетия (с осени 2019 года находится на рассмотрении в Правительстве РФ) предполагает 3 (а не 4 как в оригинальной версии) домена/блока и многомерные и многоуровневые действия. Многомерность действий состоит в осуществлении одновременных мер по трем основным направлениям:

1. Здоровье – увеличение продолжительности здоровой жизни, а также обеспечение доступа к медицинским и социальным услугам для всех нуждающихся в уходе и заботе.

2. Участие – содействие полноценному участию граждан старшего поколения в социально-экономической, культурной и духовной деятельности в соответствии с их основными способностями, потребностями, предпочтениями и универсальными правами человека.

3. Защищенность – обеспечение прав человека и потребностей в социальной, финансовой и физической безопасности людей по мере их старения, включая гарантии защиты, достоинства и заботы для тех, кто больше не может поддерживать и защищать себя сам.

Однако в настоящее время (в августе 2020) решено все же вернуться к международному варианту, чтобы сохранить возможность межстрановых сравнений.

Основные барьеры развития активного долголетия в России сосредоточены в области состояния здоровья и низкой продолжительности жизни старшего поколения, а также связаны с недостаточной развитостью инфраструктуры для волонтерской и общественной деятельности, непрерывного образования, физической

¹⁰ Из Концепции Политики активного долголетия: активное долголетие – «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия в старшем возрасте, обеспечивающее гражданам старшего возраста возможность для удовлетворения потребностей и участия в различных сферах жизни общества, достигаемое при их активном участии». Качество жизни – это «восприятие человеком своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет, и в отношении его целей, ожиданий, стандартов и проблем. Это широкая концепция, которая комплексно отражает физическое здоровье человека, психологическое состояние, уровень автономности, социальные отношения, личные убеждения и связь с характерными особенностями окружающей среды» («Копенгагенская декларация по политике здравоохранения», Всемирная организация здравоохранения, 1994. https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/114939/E93948R.pdf). С возрастом качество жизни во многом определяется способностью сохранять самостоятельность и независимость в удовлетворении потребностей и участия в различных сферах жизни общества. Независимость – возможность выполнять ежедневные жизненные функции самостоятельно или с минимальной помощью со стороны. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни – ожидаемая продолжительность жизни без инвалидности или в состоянии адаптации к имеющемуся нездоровью.

активности и т. п. Однако на экзистенциальном уровне замена старения на долголетие манифестирует страх старения, вуалирование «последнего срока» и его отрицание. Это также связано с тем, что теоретические модели и подходы, которые породили концепцию активного старения и которые заложены в ее основание, в российском контексте не получили хоть сколько-нибудь значимого критического осмысления. Речь идет не только о социально-философских основаниях концепции, но и о гораздо более прикладных вещах. Так, закрепленный в определении ВОЗ в 1948 году патоцентрический подход, который рассматривает возрастные изменения как вариант нормы, не был воспринят российской медициной. Так же слабо были освоены и новые подходы в социальной работе, предполагающие, что старение может быть позитивным/счастливым и что необходимо прилагать усилия для того, чтобы делать его таковым.

Еще одной особенностью перцепции активного старения в российском контексте стал перенос акцента с *активного* на *здоровое* старение в свете опасений, что акцент на продлении занятости населению не понравится. Повышение пенсионного возраста является пунктом крайне непопулярной политической повестки. Распространенным оправданием мер, сдерживающих рост пенсионного возраста, стала убежденность и политиков, и простых граждан в том, что российское население менее здоровое, чем европейское. Согласно статистическим данным, средняя продолжительность жизни в России действительно ниже, чем в Европе – особенно у мужчин. Однако в оценках здоровья плотно переплетаются разнонаправленные факторы: в том числе культурные и поколенческие.

Долгое время советское/постсоветское общество было уверено, что сохранение здоровья – задача и ответственность врачей, а состояние здоровья (хорошее или плохое) мало зависит от действий и решения самого человека (Бурмыкина 2000). То есть люди, особенно старшего поколения, склонны объективировать свое здоровье и не считают себя субъектами своего состояния. В международной же практике давно принята четырехфакторная модель здоровья, где медицинской помощи отводится не более 10–15% обеспечения здоровья, а собственному образу жизни – около 50% (Lalonde 1974). Уже более 50 лет назад в измерениях состояния здоровья населения в западных странах отводилось значительное внимание условиям жизни. Американский экономист и социолог Кеннет Эрроу отмечал, что в «ситуации низких доходов питание, жилье, одежда, базовые санитарные удобства могут оказаться гораздо более важными, чем медицина» (Arrow 1963:942). Эти подходы легко упрекнуть в стремлении преуменьшить роль структурных факторов, то есть государства и государственного здравоохранения, и преувеличить индивидуальную ответственность за здоровье. Между тем именно они определили тон для дискурса и практики общественного здравоохранения в западных обществах в последующие десятилетия (Богдан, Гурылина и Чистякова 2018). В России мало кто интересуется и концепциями, и специфическими отличиями в понимании и измерении здоровья населения, заложенными в том числе и в современные нормативные концепции старения.

Смертность в России и Европе трудно сравнивать еще и потому, что в России сверхвысоки показатели потерь лет жизни из-за большого числа смертей от нее-

стественных причин в трудоспособных возрастах. Неестественная смертность, как правило, характерна для мужчин в трудоспособном возрасте, уровень ее в России очень высок и занимает почти 10% причин смертности. Главная же причина смертей россиян – различные болезни. От старости умирают лишь 5% населения, от внешних причин 7,9%, от несчастных случаев на транспорте 1%, из них смертей в ДТП 0,8%. Точных данных нет, но можно предположить, что, если убрать данные по неестественной смертности (ДТП, алкогольные отравления и т. п., что видно из Таблицы 2) из общей статистики продолжительности жизни в России, то вряд ли окажется, что мы так уж сильно отстаем от Запада.

Таблица 2. Естественное движение населения. Смертность (официальные показатели, 2019 год) (Источник: «Статистика смертности по данным Росстат», Статистика и показатели. <https://rosinfostat.ru/smertnost>)

Годы	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни		Новообразования		Болезни системы кровообращения		Болезни органов дыхания		Болезни органов пищеварения		Внешние причины	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2000	29886	6328	164086	133857	545162	686211	72230	29911	37907	26769	250009	68707
2001	28910	6362	161408	132655	561347	691756	68561	26361	40671	28740	259109	72525
2002	29972	6959	160913	132040	592976	715095	72564	28439	44046	31468	264055	75241
2003	29958	7194	158437	132043	608892	721646	73017	28107	47490	34028	260323	74850
2004	29526	7504	157406	132621	595046	692680	67777	25177	49378	35924	254109	73014
2005	30792	8204	155840	132075	601379	698073	69131	25605	54342	39466	246257	69658
2006	28041	7697	153927	132305	558230	673952	59190	23571	51400	38039	219216	63569
2007	26579	7837	155002	133561	534195	650977	55594	22353	50051	37629	201334	58078
2008	26749	7791	154845	134412	535814	650179	56863	22630	51709	38692	189552	54911
2009	26035	8068	156874	136728	513532	623129	55463	23999	50676	38280	173089	51487
2010	25239	8370	156301	136870	518284	633633	52944	21864	52500	39495	167060	49807
2011	25089	8583	156144	136301	486018	590440	52144	22075	50387	38523	153544	45814
2012	23583	8501	154613	136267	473584	582008	49199	21594	49823	39044	149104	44670
2013	23000	8807	155002	136773	449983	551816	50368	23700	49063	39368	143444	41909
2014	22861	9242	154297	136103	430899	509590	52783	25529	53743	42946	144430	42349
2015	24394	9978	159651	140581	426784	503318	50990	24823	56216	45740	136196	41394
2016	24494	10841	160958	138694	420666	483389	47574	22758	53992	44223	128411	39132
2017	23966	11079	157451	137136	402134	460761	42050	19982	50538	42451	116556	36185
2018	23495	11131	159870	138126	402450	453677	41243	19907	51551	43879	110407	34205

В России можно наблюдать стремление людей скорее преувеличить степень нездоровья и пожаловаться на медицину, чем активно заниматься поддержанием или сохранением здоровья. На Западе же все больше и больше исследований подтверждают, что уход на пенсию оказывается вреден для здоровья – в первую очередь, психического (Rosa 2013) – и субъективного благополучия. То, что здоровье в неолиберальной оптике прямо зависит от занятости, подтверждает Дмитрий Рогозин: «Физическое самочувствие, или субъективная оценка здоровья, становится ключевым параметром в либеральной интерпретации старения. Гораздо важнее чувствовать себя здоровым, нежели иметь тому формальные подтверждения. Речь не идет о радикальном отказе от медицинских практик. Утверждается лишь освобождение от их тотального диктата над жизнью пожилого человека. А субъективное здоровье наиболее сильно связано с трудовой деятельностью и образованием» (2012:71).

Продление трудовой деятельности в России в целом воспринимается негативно. По данным исследования, проведенного холдингом «Ромир» в 2018 году накануне повышения пенсионного возраста, 90% россиян не поддерживали планы правительства (Калюков и Тютина 2018). Это связано в первую очередь с тем, что по достижении пенсионного возраста люди оказываются дискриминированы на рынке труда. Исследования свидетельствуют о том, что наиболее толерантны к людям старшего возраста консервативные сферы занятости и бюджетный сектор: медицина, образование, промышленное производство. Для человека предпенсионного и пенсионного возраста на рынке труда оказываются доступны малопривлекательные ниши низкоквалифицированного низкооплачиваемого труда, в частности – уборка, охрана, уход за пожилыми и т. п. (Здравомыслова и Ткач 2016; Ткач и др. 2012).

Таким образом, Россия включилась в число стран-последователей концепции активного старения, правда с определенными изменениями акцентов. Концепция политически продвигается, но плохо сочетается с инфраструктурой поддержки пожилых: с отстающей лечебной (а тем более восстановительной) медициной, формальной и стандартизированной социальной защитой, с высоким процентом смертности от неестественных причин. Нет последовательной идеологии государственного уровня, которая синхронизировала бы основные постулаты активного старения с государственной социальной политикой, как нет прорывов в технологиях профилактики старения или длительного ухода. Пока что амбиции национальных планов, в том числе нацплана по демографии, практически не влияют на сложившиеся подходы и технологии обслуживания пожилых на уровне деятельности организаций, осуществляющих обслуживание. На успешное продвижение активного долголетия влияет также переоценка степени нездоровья российским населением, которая косвенно способствует быстрому уходу пожилых из социальной жизни и сопротивлению «активизации сверху».

Та значительная переработка, которая состоялась в западной академической и общественной дискуссии по поводу понимания старения и способов преодоления негативных последствий старения – индивидуальных и социальных, – в России практически не была воспринята. Европе воплощение концепции активного старения видится в повышении индивидуальной ответственности за состояние здоровья, в поощрении трудовой занятости в позднем возрасте и противодействии социальному исключению пожилых. В России же социальная политика в отношении пожилых продолжает строиться на уверенности в биологической безусловности и минимизации потребностей в старшем возрасте, что порождает и воспроизводит как вертикальные, так и горизонтальные основания неравенства, особенно бедность пожилых. Это неизбежно приводит к вытеснению из занятости и отсутствию жизненной перспективы в старших возрастах, особенно если внуки уже выросли... И, конечно, к ощущению неуспеха в жизни из-за прожитых лет. В то же время, когда длительность пенсионного периода несколько десятилетий, а сами пожилые бодры и требовательны, общество также начинает сомневаться в своих моральных обязательствах перед ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коронакризис проявил уязвимость всего неолиберального проекта старения. Ослабив возрастную нормативность, замкнутую в пределах группы пожилых, этот проект тут же воздвиг другую, не менее жесткую, нормативность соответствия стандартам активности высокопроизводительного молодого неолиберального субъекта. Неолиберальный проект и раньше критиковали за классовую нечувствительность, за ориентацию на благополучный класс (Gilleard and Higgs 2000; McGuigan 2014; Polívka 2011). В текущих условиях это становится еще более явно и проблематично.

Пандемия коронавирусной инфекции восстановила возрастные границы, чем поколебала межпоколенческий контракт западных обществ. Границы возраста, возможностей, желаний, которые стирались с разной степенью успешности на протяжении десятилетий, вдруг оказались воздвигнуты снова. Они восстали в форме банальных стен квартир и домов, за пределы которых люди старше 65 не могут выходить без особого разрешения, в форме особой уязвимости перед вирусом, в форме особой нагрузки на систему здравоохранения. Кризис напомнил о биологии, акцентировал уязвимость, воспроизвел пожилых как «других».

В текущей ситуации выявились барьеры реализации важнейшей связки всего неолиберального проекта старения «активность – социальная включенность», на которую опирались и борьба с бедностью и социальным неравенством, и противодействие эйджизму. Сегодня пожилые, которые не могут работать и даже быть волонтерами, становятся главными потребителями государственной медицинской инфраструктуры. Они становятся аутсайдерами, беднеют. Для них актуализируются и вертикальная, и горизонтальная системы неравенства. Многие из тех, кто старше 65, вероятно, не смогут вернуться на работу после пандемии, даже если захотят этого.

Сейчас самое время задуматься о судьбе неолиберального проекта старения, прошедшего большой путь в своем развитии, и задать ряд важных вопросов. Как совместить неолиберального субъекта – активного, независимого, производительного – с пожилым, изолированным, зависимым от посторонней помощи? Как будет переосмысляться социальное исключение пожилых в ситуации, когда исключение приравнивается к безопасности? Удастся ли сохранить достижения anti-ageism?

В России кризис активного старения не так заметен просто потому, что сама концепция не была полноценно интегрирована и не успела вращаться в систему. Нам стоит особенно внимательно следить за теми основаниями концепции, которые обнажает кризис. Помимо трансплантации собственно концепции активного старения, необходима внимательная критическая ревизия теоретических и концептуальных оснований, заложенных в ее основу. Только так возможно последовательное и систематичное выстраивание политики старения, сообразной времени и особенностям российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрахамсон, Петер. 2001. «Социальная эксклюзия и бедность». *Общественные науки и современность* 2:158–166.
- Биккулов, Александр, и Александра Дмитриева. 2015. «Общество для всех возрастов». *СОЦИС* 6(374):160–162.
- Богдан, Игнат, Мария Гурылина и Дарья Чистякова. 2018. «Методы распространения здорового образа жизни медицинскими работниками: опыт медико-социологического анализа». *Вестник НГУЭУ* 4:188–198.
- Богданова, Елена. 2016. «Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция?» *Журнал исследований социальной политики* 14(4):535–550.
- Бодрийяр, Жан. 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бурмыкина, Ольга. 2000. «Патернализм: влияние на культуру здоровья». *Журнал социологии и социальной антропологии* 3(4):159–176.
- Григорьева, Ирина. 2006. «Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности». *Мир России* 15(1):29–49.
- Григорьева, Ирина. 2017. «Сто лет трансформаций социальной политики в России». *Журнал исследований социальной политики* 15(4):497–514. doi:10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514.
- Григорьева, Ирина. 2018. «Пожилые женщины. “Вниз по лестнице” возраста и гендера». *Женщина в российском обществе* 1:5–18. doi:10.21064/WinRS.2018.1.1.
- Дмитриева, Александра. 2012. «Социальное включение/исключение как принцип структуриации современного общества». *Социологический журнал* 2:98–114.
- Ермолина, Анна, Мария Варламова и Оксана Синявская. 2015. «Индекс активного долголетия как инструмент политики в отношении пожилых в России». Материалы совместного научно-практического семинара «Активное долголетие в контексте социальной политики: проблемы измерения», Центр анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ, 10 марта, Москва.
- Здравомыслова, Елена и Ольга Ткач. 2016. «Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 8(3):68–99.
- Зеликова, Юлия. 2014. *Стареющая Европа: демография, политика, социология*. СПб.: Норма.
- Калюков, Евгений и Виктория Тютинина. 2018. «Более 90% россиян выступили против повышения пенсионного возраста». РБК, 14 июня. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b2201499a794738979a561c>.
- Котликофф, Лоренс и Скотт Бернс. 2005. *Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны*. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Кузин, Сергей. 2018. «Старение населения: социально-экономический аспект». *Вестник ГУУ* 3:137–143. doi:10.26425/1816-4277-2018-3-137-143.
- Ларсен, Тринэ. 2008. «Миф об “обществе работающих взрослых”»: новое в дискурсе социальной политики в европейских государствах благосостояния». *SPERO* 8:159–180.
- Малева, Татьяна, Елена Гришина, Юлия Дормидонтова, Юлия Казакова, Виктор Ляшок и Елена Цацура. 2016. *Возрастные работники на российском рынке труда*. М.: Дело, РАНХиГС.
- Мау, Владимир. 2012. «Пенсия как личный выбор». *Ведомости*, 3 августа. http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2480281/pensiya_i_mu.
- Пышменцева, Елена. 2018. «Занятость и проблемы трудоустройства лиц пожилого возраста». *Human Progress* 4(5). http://progress-human.com/images/2018/Tom4_5/Pyshmentseva.pdf.
- Рогозин, Дмитрий. 2012. «Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте». *Социологический журнал* 4:62–93.
- Секацкий, Александр. 2014. *Странствия постороннего. Эссе*. СПб.: Лениздат.

- Тимирчинская, Ольга. 2019. «Работа для всех: как помогают людям старшего возраста. Как государство помогает трудоустроить предпенсионеров». *ГАЗЕТА.ru*, 7 ноября. <http://www.gazeta.ru/business/2019/11/07/12798206.shtml>.
- Ткач Ольга, Елена Богданова и Ольга Бредникова. 2012. «Работающие пенсионеры в российском городе: формирование ниш занятости и возможности рынка труда (на примере Санкт-Петербурга)». Аналитический отчет по проекту, поддержанному Институтом общественного проектирования в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 года № 127-рп. Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ), Санкт-Петербург. http://cizr.pro/files/179_final_report.pdf.
- Фуко, Мишель. 1998. *Забота о себе. История сексуальности*. Т. 3, *Дух и литера*. Киев: Грунт; М.: Рефл-бук.
- Хиггс, Пол, Крис Джиллеард и Ян Рис Джонс. 2014. «Эгоистичное поколение: исследование концепции». *Социология власти* 3:10–30.
- Шершнева, Елена. 2014. «Реформы Харца: поворотный пункт в политике занятости и благосостояния в Германии». *Журнал социологии и социальной антропологии* 3:168–185.
- Arrow, Kenneth J. 1963. "Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care." *American Economic Review* 53(5):941–973.
- Baars, Jan. 1991. "The Challenge of Critical Gerontology: The Problem of Social Constitution." *Journal of Aging Studies* 5(3):219–243.
- Baltes, Paul, and Ursula Staudinger. 2000. "Wisdom: A Metaheuristic (Pragmatic) to Orchestrate Mind and Virtue toward Excellence." *American Psychologist* 55(1):122–136.
- Blair, Tony, and Gerhard Schröder. 1998. "Europe: The Third Way/Die Neue Mitte."
- Boltanski, Luc, and Eve Chiapello. [1999] 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Dannefer, Dale. 1999. "Neoteny, Naturalization, and Other Constituents of Human Development." Pp. 67–93 in *The Self and Society in Aging Processes*, ed. by Carol D. Ryff and Victor W. Marshall. New York: Springer.
- Dannefer, Dale, and Casey Miklowski. 2006. "Three Developments in the Life Course." Pp. 30–39 in *The Futures of Old Age*, ed. by John A. Vincent, Chris R. Phillipson, and Murna Downs. London: Sage.
- Dittman-Kohli, Freya, and Paul Baltes. 1990. "Toward a Neofunctionalist Conception of Adult Intellectual Development: Wisdom as a Prototypical Case of Intellectual Growth." Pp. 54–78 in *Higher Stages of Human Development: Perspectives on Adult Growth*, ed. by Charles N. Alexander and Ellen J. Langer. New York: Oxford University Press.
- Edmondson, Ricca. 2005. "Wisdom in Later Life: Ethnographic Approaches." *Ageing & Society* 25(6):339–356.
- Elder Jr., Glen. 1974. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago Press.
- Erikson, Erik H., Joan M. Erikson, and Helen Q. Kivnick. 1986. *Vital Involvement in Old Age: The Experience of Old Age in Our Time*. New York: Norton.
- Esping-Andersen, Gøsta. 1990. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Estes, Carroll L., Simon Biggs, and Chris Phillipson. 2003. *Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction*. Maidenhead, UK: Open University Press.
- Gilleard, Christopher, and Paul Higgs. 2000. *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. 1st ed. Harlow, UK: Prentice Hall.
- Grigoryeva, Irina, Irina Pervova, and Anna Smirnova. 2015. "Inequalities in Eligibility for Social Care: An International Context." *Journal of Social Policy Studies* 13(2):317–330.
- Grigoryeva, Irina, Lyudmila Vidiasova, Alexandra Dmitrieva, and Olga Sergejeva. 2019. *The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education and Health*. Cham, Switzerland: Springer.
- Iarskaia-Smirnova, Elena, Valentina Iarskaia, and Irina Grigoryeva. 2019. "From Social Contract to the Market of Social Services: Routes and Resources for Social Work Professionaliza-

- tion." Pp. 171–182 in *European Dimension in Social Work Education and Practice*, ed. by Oldřich Chytil and Jan Keller. Ostrava, Czech Republic: Ostrava University.
- Katz, Stephen. 1992. "Alarmist Demography: Power, Knowledge, and the Elderly Population." *Journal of Aging Studies* 6(3):203–225.
- Lalonde, Marc. 1974. "A New Perspective on the Health of Canadians: A Working Document." Ottawa, ON: Government of Canada.
- McGuigan, Jim. 2014. "The Neoliberal Self." *Culture Unbound* 6:223–240.
- Phillipson, Chris, and Alan Walker. 1987. "The Case for a Critical Gerontology." Pp. 1–15 in *Social Gerontology: New Directions*, ed. by Silvana di Gregorio. London: Croom Helm.
- Polivka, Larry. 2011. "Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging." *Journal of Applied Gerontology* 30(2):173–184.
- Riley, Matilda White, Marilyn Johnson, and Anne Foner, eds. 1972. *Ageing and Society: A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation.
- Rosa, Hartmut. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Rowe, John, and Robert Kahn. 1987. "Human Aging: Usual and Successful." *Science* 237(4811):143–149.
- Scruggs, Lyle, and James Allan. 2006. "Welfare-State Decommodification in 18 OECD Countries: A Replication and Revision." *Journal of European Social Policy* 16(1):55–72.
- Shadryna, Hanna. 2020. "Babushkas: Former Soviet Women Pensioners Ageing in Russia and the UK." PhD dissertation, School of Social Sciences, History and Philosophy, Birkbeck, University of London.
- Sidorenko, Alexandre, and Asghar Zaidi. 2013. "Active Ageing in CIS Countries: Semantics, Challenges, and Responses." *Current Gerontology and Geriatrics Research*. doi:10.1155/2013/261819.
- Stedman Jones, Daniel. 2012. *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Torres, Sandra, and Ute Karl. 2015. "A Migration Lens on Inquiries into Ageing, Old Age and Elderly Care: Carving a Space While Assessing the State of Affairs." Pp. 1–12 in *Ageing in Contexts of Migration*, ed. by Ute Karl and Sandra Torres. London: Routledge.
- Touraine, Alain. 1991. "Face al'exclusion." *Exprit* 141:7–13.
- Weber, Max. [1905] 2002. *The Protestant Ethic and the "Spirit" of Capitalism (and Other Writings)*. London: Penguin.
- Wyness, Michael. 2011. *Childhood and Society*. 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan.
- Wyness, Michael. 2015. *Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Zaidi, Asghar. 2013. *Global Age Watch Index 2013: Purpose, Methodology and Results*. London: HelpAge International. <http://www.helpage.org/download/52949b561453d>.
- Zaidi, Asghar. 2016. "Challenges and Opportunities for a Global Index on Active and Healthy Aging: Lessons from the EU's Active Ageing Index." Presented at the Side Event of the 54th Session of the UN Commission for Social Development, Columbia University, February 3, New York, NY. <https://aging.columbia.edu/sites/default/files/Active%20Ageing%20Index%20at%20Columbia%20Aging%20Center%20-%20Final%203rd%20February%202016%20REVISED.pdf>.

THE CONCEPT OF ACTIVE AGING IN EUROPE AND RUSSIA IN THE FACE OF THE COVID-19 PANDEMIC

Irina Grigoryeva, Elena Bogdanova

Irina Grigoryeva, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg); School of Sociology, St. Petersburg State University. Address for correspondence: Sociological Institute RAS, 7-ia Krasnoarmeiskaia ul., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia. soc28@yandex.ru.

Elena Bogdanova, European University at St. Petersburg; Centre for Independent Social Research (Saint Petersburg, Russia); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address for correspondence: CISR, PO Box 193, Saint Petersburg, 191040, Russia. bogdanova.nova@gmail.com.

The essay is a reaction to the crisis that is happening in the sphere of theory and policy of solving the problem of aging society in European countries and in Russia. For nearly 20 years the concept of active aging and the neoliberal policy on aging, formulated in the Madrid Plan of Action, have been considered the defining international benchmarks of coping with the process of the aging of societies. In recent years Russia has integrated the norms and principles of the Madrid Plan into its national aging policy. The coronavirus pandemic has called into question the soundness of the concept that represents the aging process from the standpoint of social constructivism and smoothens the boundaries between age groups. One of the most important foundations of the entire neoliberal aging project—the link between activity and social inclusion, which is designed to integrate the elderly into the sphere of labor and consumption and, thereby, solve the problems of social exclusion of the elderly and their negative image as a burden to society—in the current situation turns out to be unsustainable. The coronavirus pandemic has restored the salience of boundaries between age groups and the physiological distinctiveness of an aging body. The struggle for the inclusion of the elderly has been replaced—temporarily—by the struggle for their exclusion. This essay examines the theoretical approaches underlying the concept of active aging as it was formulated in the Western context and as has been adapted in Russia. The essay culminates in the question of whether the coronavirus crisis will generate a demand for a new concept of aging.

Keywords: Active Aging; COVID-19 Pandemic; Active Longevity; Crisis of the Concept

REFERENCES

- Abrahamson, Peter, 2001. "Sotsial'naia ekskluziia i bednost'." *Obshchestvennye nauki i sovremenost'* 2:158–166.
- Arrow, Kenneth J. 1963. "Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care." *American Economic Review* 53(5):941–973.

- Baars, Jan. 1991. "The Challenge of Critical Gerontology: The Problem of Social Constitution." *Journal of Aging Studies* 5(3):219–243.
- Baltes, Paul, and Ursula Staudinger. 2000. "Wisdom: A Metaheuristic (Pragmatic) to Orchestrate Mind and Virtue toward Excellence." *American Psychologist* 55(1):122–136.
- Baudrillard, Jean. 2000. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet.
- Bikkulov, Alexander, and Alexandra Dmitrieva. 2015. "Obshchestvo dlia vseh vozrastov." *SOTsIS* 6(374):160–162.
- Blair, Tony, and Gerhard Schröder. 1998. "Europe: The Third Way/Die Neue Mitte."
- Bogdan, Irnat, Mariya Gurylina, and Darya Chistyakova. 2018. "Metody rasprostraneniia zdorovogo obraza zhizni meditsinskimi rabotnikami: Opyt mediko-sotsiologicheskogo analiza." *Vestnik NGUEU* 4:188–197.
- Bogdanova, Elena. 2016. "Trudovye otnosheniia s uchastiem pensionerov: Zabota ili manipuliatsiia?" *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 14(4):535–550.
- Boltanski, Luc, and Eve Chiapello. [1999] 2005. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso.
- Burmykina, Olga. 2000. "Paternalizm: Vliianie na kul'turu zdorov'ia." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 3(4):159–176.
- Dannefer, Dale. 1999. "Neoteny, Naturalization, and Other Constituents of Human Development." Pp. 67–93 in *The Self and Society in Aging Processes*, ed. by Carol D. Ryff and Victor W. Marshall. New York: Springer.
- Dannefer, Dale, and Casey Miklowski. 2006. "Three Developments in the Life Course." Pp. 30–39 in *The Futures of Old Age*, ed. by John A. Vincent, Chris R. Phillipson, and Murna Downs. London: Sage.
- Dittman-Kohli, Freya, and Paul Baltes. 1990. "Toward a Neofunctionalist Conception of Adult Intellectual Development: Wisdom as a Prototypical Case of Intellectual Growth." Pp. 54–78 in *Higher Stages of Human Development: Perspectives on Adult Growth*, ed. by Charles N. Alexander and Ellen J. Langer. New York: Oxford University Press.
- Dmitrieva, Alexandra. 2012. "Sotsial'noe vkluchenie/iskliuchenie kak printsip strukturskoi sovremennogo obshchestva." *Sotsiologicheskii zhurnal* 2:98–114.
- Edmondson, Ricca. 2005. "Wisdom in Later Life: Ethnographic Approaches." *Ageing & Society* 25(6):339–356.
- Elder Jr., Glen. 1974. *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago Press.
- Erikson, Erik H., Joan M. Erikson, and Helen Q. Kivnick. 1986. *Vital Involvement in Old Age: The Experience of Old Age in Our Time*. New York: Norton.
- Ermolina, Anna, Maria Varlamova, and Oxana Sinyavskaya. 2015. "Indeks aktivnogo dolgoletiiia kak instrument politiki v otnoshenii pozhilykh v Rossii." Materials of the joint scientific and practical seminar "Active Aging in the Context of Social Policy: Problems of Measurement." Centre for Studies of Income and Living Standards, HSE University, March 10, Moscow.
- Esping-Andersen, Gøsta. 1990. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Estes, Carroll L., Simon Biggs, and Chris Phillipson. 2003. *Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction*. Maidenhead, UK: Open University Press.
- Foucault, Michel. 1998. *Zabota o sebe: Istoriia seksual'nosti*. Vol. 3, *Dukh i litera*. Kyev: Grunt; Moscow: Refl-book.
- Gilleard, Christopher, and Paul Higgs. 2000. *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. 1st ed. Harlow, UK: Prentice Hall.
- Grigoryeva, Irina. 2006. "Sotsial'naia politika i pozhiloe naselenie v sovremennoi Rossii: Vyzovy i vozmozhnosti." *Mir Rossii* 15(1): 29–49.
- Grigoryeva, Irina. 2017. "Sto let transformatsii sotsial'noi politiki v Rossii." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 15(4):497–514. doi:10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514.
- Grigoryeva, Irina. 2018. "Pozhilye zhenshchiny: 'Vniz po lestnitse' vozrasta i gendera." *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* 1(86):5–18. doi:10.21064/WinRS.2018.1.1.

- Grigoryeva, Irina, Irina Pervova, and Anna Smirnova. 2015. "Inequalities in Eligibility for Social Care: An International Context." *Journal of Social Policy Studies* 13(2):317–330.
- Grigoryeva, Irina, Lyudmila Vidiasova, Alexandra Dmitrieva, and Olga Sergeyeva. 2019. *The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education and Health*. Cham, Switzerland: Springer.
- Higgs, Paul, Chris Gilleard, and Jan Rees Jones. 2014. "Egoisticheskoe pokolenie: Issledovanie kontseptsii." *Sotsiologiya vlasti* 3:10–30.
- Iarskaia-Smirnova, Elena, Valentina Iarskaia, and Irina Grigoryeva. 2019. "From Social Contract to the Market of Social Services: Routes and Resources for Social Work Professionalization." Pp. 171–182 in *European Dimension in Social Work Education and Practice*, ed. by Oldřich Chytil and Jan Keller. Ostrava, Czech Republic: Ostrava University.
- Kaliukov, Evgenii, and Viktoriia Tiutina. 2018. "Bolee 90% rossiian vystupili protiv povysheniia pensionnogo vozrasta." RBK, June 14. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b2201499a794738979a561c>.
- Katz, Stephen. 1992. "Alarmist Demography: Power, Knowledge, and the Elderly Population." *Journal of Aging Studies* 6(3):203–225.
- Kotlikoff, Laurence, and Scott Burns. 2005. *Pensionnaia sistema pered burei: To, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushchem svoei strany*. Moscow: Alpina Business Books.
- Kuzin, Sergei. 2018. "Starenie naseleniia: Sotsial'no-ekonomicheskii aspekt." *Vestnik GUU* 3:137–143. doi:10.26425/1816-4277-2018-3-137-143.
- Lalonde, Marc. 1974. "A New Perspective on the Health of Canadians: A Working Document." Ottawa, ON: Government of Canada.
- Larsen, Trine. 2008. "Mif ob 'obshchestve rabotaiushchikh vzroslykh': Novoe v diskurse sotsial'noi politiki v evropeiskikh gosudarstvakh blagosostoianiia." *SPERO* 8:159–180.
- Maleva, Tatyana, Elena Grishina, Yulia Dormidontova, Yuliya Kazakova, Victor Lyashok, and Elena Tsatsura. 2016. *Vozrastnye rabotniki na rossiiskom rynke truda*. Moscow: Delo, RANEPa.
- Mau, Vladimir. 2012. "Pensiia kak lichnyi vybor." *Vedomosti*, August 3. http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2480281/pensiya_i_my.
- McGuigan, Jim. 2014. "The Neoliberal Self." *Culture Unbound* 6:223–240.
- Phillipson, Chris, and Alan Walker. 1987. "The Case for a Critical Gerontology." Pp. 1–15 in *Social Gerontology: New Directions*, ed. by Silvana di Gregorio. London: Croom Helm.
- Polivka, Larry. 2011. "Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging." *Journal of Applied Gerontology* 30(2):173–184.
- Pyshmentseva, Elena. 2018. "Zaniatost' i problemy trudoustroistva lits pozhilogo vozrasta." *Human Progress* 4(5). http://progress-human.com/images/2018/Tom4_5/Pyshmentseva.pdf.
- Riley, Matilda White, Marilyn Johnson, and Anne Foner, eds. 1972. *Aging and Society: A Sociology of Age Stratification*. New York: Russell Sage Foundation.
- Rogozin, Dmitrii. 2012. "Liberalizatsiia starenii ili trud, znaniia i zdorov'e v starshem vozraste." *Sotsiologicheskii zhurnal* 4:62–93.
- Rosa, Hartmut. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Rowe, John, and Robert Kahn. 1987. "Human Aging: Usual and Successful." *Science* 237(4811):143–149.
- Scruggs, Lyle, and James Allan. 2006. "Welfare-State Decommodification in 18 OECD Countries: A Replication and Revision." *Journal of European Social Policy* 16(1):55–72.
- Sekatskii, Aleksander. 2014. *Stranstviia postoronnego*. Saint Petersburg, Russia: Lenizdat.
- Shadryna, Hanna. 2020. "Babushkas: Former Soviet Women Pensioners Ageing in Russia and the UK." PhD dissertation, School of Social Sciences, History and Philosophy, Birkbeck, University of London.
- Shershneva, Elena. 2014. "Reformy Khartsa: Povоротnyi punkt v politike zaniatosti i blagosostoianiia v Germanii." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 3:168–185.
- Sidorenko, Alexandre, and Asghar Zaidi. 2013. "Active Ageing in CIS Countries: Semantics, Challenges, and Responses." *Current Gerontology and Geriatrics Research*. doi:10.1155/2013/261819.

- Stedman Jones, Daniel. 2012. *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Timirchinskaia, Oľga. 2019. "Rabota dlia vseh: Kak pomogaiut liudiam starshego vozrasta: Kak gosudarstvo pomagaet trudoustroit' predpensionerov." *GAZETA.ru*, November 7. <https://www.gazeta.ru/business/2019/11/07/12798206.shtml>.
- Tkach, Olga, Elena Bogdanova, and Olga Brednikova. 2012. "Rabotaiushchie pensionery v rossiiskom gorode: Formirovanie nish zaniatosti i vozmozhnosti rynka truda (na primere Sankt-Peterburga)." *Analiticheskii otchet po proektu, podderzhanomu Institutom obshchestvennogo proektirovaniia v sootvetstvii s rasporiazheniem prezidenta RF ot 2 marta 2011 goda No. 127-rp*. Centre for Independent Social Research (CISR), Saint Petersburg, Russia. http://cizr.pro/files/179_final_report.pdf.
- Torres, Sandra, and Ute Karl. 2015. "A Migration Lens on Inquiries into Ageing, Old Age and Elderly Care: Carving a Space While Assessing the State of Affairs." Pp. 1–12 in *Ageing in Contexts of Migration*, ed. by Ute Karl and Sandra Torres. London: Routledge.
- Touraine, Alain. 1991. "Face al'exclusion." *Exprit* 141:7–13.
- Weber, Max. [1905] 2002. *The Protestant Ethic and the "Spirit" of Capitalism (and Other Writings)*. London: Penguin.
- Wyness, Michael. 2011. *Childhood and Society*. 2nd ed. New York: Palgrave Macmillan.
- Wyness, Michael. 2015. *Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Zaidi, Asghar. 2013. *Global Age Watch Index 2013: Purpose, Methodology and Results*. London: HelpAge International. <http://www.helpage.org/download/52949b561453d>.
- Zaidi, Asghar. 2016. "Challenges and Opportunities for a Global Index on Active and Healthy Aging: Lessons from the EU's Active Ageing Index." Presented at the Side Event of the 54th Session of the UN Commission for Social Development, Columbia University, February 3, New York, NY. <https://aging.columbia.edu/sites/default/files/Active%20Ageing%20Index%20at%20Columbia%20Aging%20Center%20-%20Final%203rd%20February%202016%20REVISED.pdf>.
- Zdravomyslova, Elena, and Olga Tkach. 2016. "Kul'turnye modeli klassovogo neravenstva v sfere naemnogo domashnego truda v Rossii." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* (8)3:68–99.
- Zelikova, Julia. 2014. *Stareishchaia Evropa: Demografiia, politika, sotsiologiia*. Saint Petersburg, Russia: Norma.